

Ульрих Бек —
социолог (Германия)

Глобальная внутренняя политика: пять заблуждений относительно национальной политики в эпоху глобализма

Разграничение внутренней и внешней политики более не действительно. Ниже приводятся некоторые размышления относительно пяти заблуждений, которые довлеют над национальной политикой в эпоху глобализации.

Первое из этих заблуждений можно отнести к глобализирующемуся миру. Его суть заключена в следующем: «Нельзя проводить политический курс, противоречащий рыночным законам». Эти слова бывшего министра иностранных дел Германии Йошки Фишера показательны для того образа, который вот уже 20 лет создает для себя политический класс. Политические деятели рассматривали себя лишь в качестве пешек в игре, в которой тон задавал глобальный капитализм. Такой подход создавал, конечно же, иллюзорное представление о том, что политики не несут ответственности за возможные провалы.

С одной стороны, это мешает увидеть, что мнимая беспомощность политического класса оказалась результатом его собственных действий. Ведь именно политический класс, действующий под флагом «политики реформ», навязал отдельным нациям правила глобальных рынков и заставил

всех поверить в вышедшую из-под контроля «фатальность глобализации». Когда политика активно содействует самоуничтожению, глобальный капитализм приобретает «неотразимую» власть. С другой стороны, беспомощность, на которую обрела сама себя политика, послужила удобным оправданием шагов по противодействию ставшим необходимыми выступлениям против глобальных рисков, угрожающих повседневной жизни населения, и одновременно оправданием отказа от соответствующих мер во внутренней политике. Логика здесь такова: поскольку не существует и не может существовать приемлемых в мировом масштабе политических ответов на наступление глобализации, то и «нельзя ничего сделать».

На другой стратегический выбор — перевернуть эту логику — политические деятели отвечают тем, что провоцируют завышенные ожидания, которые, как всем известно, не могут быть реализованы. Накануне проведения заседаний Большой восьмерки, например, к общественному мнению разных стран были обращены призывы обложить пошлинами мировые финансовые рынки, хотя понятно, что претворить в жизнь эти призывы невозможно. Таким образом, девиз «все глобально, а значит, сделать ничего нельзя» позволяет заранее разделить слова и дела. Чем меньше шансов достичь объявленной цели, тем больше возможностей свалить в кучу предъявляемые требования и тем самым предстать в роли защитников всеобщего процветания в мировом масштабе, не опасаясь при этом запачкать руки. Налицо (не) возможное смешение риторики нового начала и защиты сложившегося *статус-кво*. Показательно

в этом плане присоединение немецкого правительства к хору, ратующему за налогообложение финансовых сделок (нечто вроде НДС для финансового сектора) без какой-либо надежды на введение такого налогообложения.

Тем не менее эта мнимая неспособность действовать входит в противоречие с координируемой на международном уровне «большой политикой» (Ницше), проводимой для спасения банков, представляющих «системный интерес», и для создания фондов спасения стран, которым угрожает банкротство. «Гиперактивность» государств, столкнувшихся с «катастрофической склонностью капитализма к саморазрушению», опровергает тот образ внешнеполитического воздействия, который они создают для самих себя. Постоянный пересмотр в сторону увеличения все более экстравагантных цифр и полное исчезновение гигантских сумм, которых изначально и не было, приводят к девальвации политики в результате гиперболических измышлений. Даже когда «планы спасения» не являлись результатом политической координации действий, но были вызваны к жизни неформальными договоренностями и эгоистическими интересами отдельных государств, они все равно показывали, что политика, когда она мобилизуется для предотвращения нависших над человечеством угроз, может подстегнуть активность на национальном уровне, без чего действия в масштабах отдельно взятых стран остаются робкими, неуверенными, уязвимыми для кризисных явлений.

Проблема не в цели — сделать политику более действенной благодаря опыту, полученному в рамках транс-

национального сотрудничества, а в обнаружении пути ее достижения. Для этого нужно выйти за пределы национальной онтологии.

Национальное заблуждение

Национальное заблуждение состоит в предположении, что можно вернуться к идиллическому представлению о государстве-нации и в соответствии с ним проводить прежде всего национальную политику. Это заблуждение выражается в жалобах на безликую бюрократическую Европу, на то, что объединенная Европа наносит вред демократии, подрывает национальную специфичность. Эта критика содержит в себе зерно истины, но становится ложной, когда базируется на принципе: «вне нации не может быть демократии». Согласно такой логике государства-нации, постнациональная Европа обязательно стала бы Европой постдемократической. Другими словами, чем больше будет Европы, тем меньше будет демократии.

Это рассуждение ошибочно по многим причинам, но им можно воспользоваться, чтобы достаточно ясно показать узость национального видения. Во-первых, его сторонники не понимают, что дорога, ведущая к демократической Европе, не может быть той же, по которой шли национальные демократии. Сама концепция демократии, призванная служить точкой отсчета для Европейского союза, должна быть отличной. Союз состоит из демократических государств, но не является государством в традиционном смысле. Это заставляет, во-вторых, задаться вопросом, мо-

жет ли демократическая модель, приемлемая для современного государства, распространяться и на Европейский союз или же нужно придумать иные постнациональные пути достижения демократии, которые бы обеспечили демократическую легитимацию европейской политики.

Абсолютизация концепции демократии, созданной для государства-нации, и непонимание особого исторического пути, который ведет к демократизации Европы, — оба этих подхода уходят корнями в ностальгические, иллюзорные настроения, что приводит к абсолютизации национального. Сюда же наслаивается пыл, с которым отстаивается модель «социальной рыночной экономики», призванной ответить на вызовы глобализации, что отражает концепцию политики, оказывающейся узницей кейнсианского понимания государства-провидения. Так возникает понятие «Кейнс II» — пересмотр понятия «Кейнс I» в свете того, чем могла бы быть внутренняя политика в эпоху глобализации. Этот новый гипотетичный властитель умов был бы призван к разработке новой теории — диверсифицированной, адаптированной к окружающей среде, инновационной по сути, отводящей центральную роль видению глобального рынка.

Неолиберальное заблуждение

Неолиберальное заблуждение тесно связано с национальным. После окончания холодной войны глобализация неолиберального толка стала политической силой, на которую равнялась внутренняя политика эпохи глобализации. Перед алтарем всемогущего бога, каким стал

рынок, его почитатели не переставали провозглашать, что все, кто падет ниц перед императивами глобального рынка, получают право на пользование имеющимися земными благами. В конце концов неолиберализм заявил претензию на то, что воплощает идею социализма в ее лучшем варианте, поскольку-де при помощи глобального рынка (и только благодаря этой помощи) можно преодолеть нищету и создать более справедливый мир не только в национальном, но и во вселенском масштабе.

Между тем глобальные риски (климатические изменения, финансовые кризисы, терроризм, тучи вулканического пепла или нефтяная катастрофа в Мексиканском заливе) приводят в смятение систему взаимодействия между государством и капиталом, созданную неолибералами. Такие кризисы усиливают государство и новые социальные движения, поскольку вызывают к жизни новые источники легитимности и новые возможности действий. Равным образом они ослабляют глобальный капитализм, так как последствия принятых инвестиционных решений порождают отныне смертельные и неподдающиеся подсчету глобальные риски.

«Конверсионный эффект» показывает, насколько иллюзорна неолиберальная утопия глобального преобразования. Даже те политические партии и главы государств, которые до финансового кризиса в рамках «программы реформ» осуществляли здоровое управление патерналистского типа (слабая инфляция, бюджетное равновесие, снижение таможенных барьеров и контроль валютных курсов, максимальная свобода движения капиталов, минимальное регламентирование рынка тру-

да, сокращение государственных расходов и гибкость законодательства для обеспечения занятости), отныне у себя дома и за границей хвалят политику, за которую когда-то упрекали Оскара Лафонтена, бывшего министра финансов в правительстве Шредера, а именно ратуют за необходимость обязательного регулирования глобализированного финансового капитализма.

Неомарксистское заблуждение

Ирония истории состоит в том, что новое неомарксистское заблуждение является братом-близнецом заблуждения неолиберального. Критики либерального капитализма из числа социалистов превратились в апологетов неолиберального глобального рынка. Они также диагностируют самотрансформацию государства-провидения, даже если речь идет о самоадаптации национальной политики к господству глобального рынка, что неизбежно приводит к самоликвидации политики. Однако неомарксисты и неолибералы предлагают диаметрально противоположные оценки вытекающей из этого ситуации.

Глобальная экономика эпохи глобализма полностью разрушает национальные рамки экономического могущества, заставляет открыть границы и завоевывает пространство власти, в том числе во внутренней политике. Однако это потрясение вызывает к жизни новые сферы применения, новые источники и новые действия, доступные *всем* социальным силам как внутри национальных границ, так и за их пределами. Вот это-то обстоятельство и не попадает в поле зрения неомарксистов.

Таким образом, трудности и разногласия, возникающие *внутри* глобального капитализма, не выявляются. Я не имею в виду только действия по созданию «зеленого капитализма», но прежде всего возникновение нового капитализма с вариациями и нюансами, свойственными Азиатско-Тихоокеанскому региону и Латинской Америке. Эта новая форма капитализма постепенно развилась и превратилась в системную альтернативу оскорбительному высокомерию Запада.

Вот как в общих чертах глобальная ситуация понимается развивающимися странами:

— изменение баланса сил в пользу развивающихся стран (пример тому — их участие в заседаниях глав государств 20 ведущих стран мира);

— географическое перемещение мирового экономического центра от Атлантики к Тихому океану;

— постепенный отказ от монополии доллара как всеобщей резервной валюты и переход к корзине различных валют и двусторонним валютным соглашениям;

— усиление значения сотрудничества Юг — Юг и Восток — Юг для решения экономических проблем;

— наконец, утрата морального авторитета старого европейско-американского центра.

Возникают новые левые силы, способные понять и обновить концепцию политики.

Технократическая иллюзия

Если рассматривавшиеся до этого позиции предполагают минимизацию поли-

тических решений, то позиция технократическая, напротив, предусматривает расширение палитры политических действий перед лицом нависших над человечеством угроз. Климатологи, безусловно, являются реалистами, но в социальной и экономической областях они зачастую выступают как идеалисты, пытаясь рассматривать всех людей как простых климатологов, не понимая, почему их апокалиптические модели автоматически не вызывают к жизни необходимые контрмеры.

Здесь корни технократической иллюзии. В мире *человека экологического* главенство демократии имеет вторичное значение, поэтому вызываемые климатическими переменами и реализацией экологической политики социально-экономические проблемы интересуют людей в меньшей степени. Отсюда опасность перескакивания от красивых и пугающих изображений тающих льдов к необходимости немедленного установления какой-то кризисной «экспертотократии», которая бы смогла в интересах всеобщего выживания и благополучия планеты выбрать единый приоритет, главенствующий над эгоизмом отдельных наций и над осторожными возражениями демократов.

Эти три компонента — предсказание краха человечества, необходимость срочного вмешательства и очевидная неспособность демократий принять адекватные меры — способствуют тому, что наиболее ангажированные группы людей становятся, зачастую бессознательно, одержимыми идеей создать сильное и аскетическое государство (Вольфанг Хариш) согласно моделям экологической диктатуры. Подобный подход ставит перед нами ключевые

вопросы: возможна ли демократия в период климатических перемен? Или иначе: является ли прогресс демократии неизменным условием проведения космополитической политики в период климатических изменений?

Технократическое заблуждение основано на концепции государства-нации, характерной особенностью которого является экологическая диктатура, прибегающая к использованию крайних средств. Но каким образом одно государство-нация сможет заставить другие государства войти с ним в экоконтсенсус? Путем развязывания войны? Путем установления глобаль-

ной экодиктатуры? Очевидно, что технократическое заблуждение не только наносит вред ценностям демократии и свободы, но и оказывается в конце концов неэффективным и даже контрпродуктивным.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод, что неполитическая модель политики оказывается политически нежизнеспособной. В эпоху глобализации национальная политика обретет способность влиять на события и (может быть) внушить доверие к себе только с помощью межнационального сотрудничества (внутри Европейского союза!).